

На следующий день, когда Линь Чжао проснулся, солнце стояло уже высоко — было около восьми или девяти часов утра.

Настроение у него, вопреки всему, было превосходным: наконец-то здесь появилось то самое, почти забытое ощущение бега времени.

— К слову, а у вас тут есть какие-нибудь часы или что-то подобное для счета времени? — поинтересовался Линь Чжао.

— Ты имеешь в виду солнечные часы? — Цзи Яогуан бросил быстрый взгляд на багровое светило в вышине. — С тех пор как возшло Пурпурное солнце, времена года больше не сменяют друг друга. Поэтому люди обычно носят с собой небольшие переносные квадранты, чтобы хотя бы примерно ориентироваться в сутках.

С этими словами он аккуратно отломил тонкую веточку от своего деревянного венца. Прямо у него на ладони она ожила, потянувшись вверх и на глазах превратилась в изящные солнечные часы с искусной резьбой на основании. Плоский циферблат украшали знаки небесных стволов и земных ветвей, а в самом центре к небу устремилась тонкая деревянная стрелка-гномон.

— А как быть ночью? — Этот вариант Линь Чжао не слишком устроил.

— Ночью используют песочные или водяные часы, — отозвался Цзи Яогуан. Ему было не до конца понятно, к чему А-Чжао такая поразительная точность, но раз юноша просил, он готов был исполнить любое его желание. — Если хочешь постоянно следить за часом, возьми вот это.

Он снял со своего венца еще одну веточку:

— На этом побеге каждые пятнадцать минут распускается по одному крошечному листку. Если повяжешь его вокруг запястья, сможешь отмерять время до последней четверти часа на протяжении всех двенадцати страж. Спустя сутки листья завянут и опадут, а ветка начнет расти заново. На Океане Руин я спасался именно этим способом.

Линь Чжао взял веточку и уже приладилился обернуть ее вокруг запястья, как вдруг его осенило:

— Постой. Если ты управляешь ростом дерева, то откуда берется энергия? На сколько вообще хватит такой ветки?

Цзи Яогуан слегка улыбнулся и, заложив одну руку за спину с привычным благородным изяществом, спокойно ответил:

— Подобные безделушки не созданы для боя, так что на поддержание их жизни почти не тратится шаманская сила. Если исходить из того запаса энергии, что уже заложен в самом побеге, то он исправно прослужит не меньше тысячи лет.

— Да уж, мистические силы — чертовски удобная штука! — восхитился Линь Чжао. — А мы не можем переделать все это на другой лад?

Цзи Яогуан послушно кивнул:

— Я слушаю.

— Смотри, — Линь Чжао тут же присел и принялся чертить когтем прямо на плитах из синего сланца. — Нам нужен круглый диск. Небольшой, размером примерно с крупную виноградину. На нем должны быть нанесены двенадцать делений. И стрелку мы сделаем не торчащей вверх, а плоской, лежащей на циферблате...

— Но если она будет лежать плашмя, как солнце укажет время тенью? — недоуменно нахмурился Цзи Яогуан.

Линь Чжао возразил с самым непоколебимым видом:

— Ты заставляешь сухие ветки покрываться листьями по расписанию, неужели не сможешь заставить крошечную щепку двигаться саму по себе?

Мужчина задумался на мгновение.

— Пожалуй... в этом есть смысл.

— И стрелок должно быть три, разной длины. Самая короткая будет показывать часы, средняя — минуты, а самая тоненькая и быстрая — секунды... Было бы совсем идеально сделать окошко посередине, чтобы там менялось число. У вас же ведется летоисчисление?

— Ведется, — Цзи Яогуан озадаченно коснулся пальцами лба, словно утирая невидимый пот.

— И чтобы стрелки светились в темноте! По бокам корпуса приделай ушки для цепочки. И точность — это главное. Твое внутреннее чувство времени наверняка дает погрешность, так что пусть этот прибор периодически сам сверяется с ходом солнца и подстраивается...

— Хорошо...

— Ну вот и договорились, мне нужны именно такие часы! — резюмировал довольный Линь Чжао. — Больше пожеланий нет. Справишься?

— Справлюсь, но придется повозиться, — прикинул в уме Цзи Яогуан. — Сегодня я займусь точной настройкой, а завтра к утру все будет готово.

— Прекрасно! А это тебе в качестве аванса, — Линь Чжао довольно придвинулся ближе и легонько коснулся ладонью его безупречной щеки. Поглотив причитающуюся ему сегодня порцию духовных сил, он обнаружил, что прикасаться к чужому лицу невероятно приятно, а потому не удержался и ласково провел по нему еще раз.

Сердце Цзи Яогуана пропустило удар, а к лицу прильнула краска.

— Твоя благодарность слишком щедра, — тихо произнес он, смущенно отведя взгляд. — Пожалуйста, предупреждай в следующий раз заранее, чтобы я успел подготовиться.

Линь Чжао с веселой усмешкой наклонился к самому его уху:

— А если не предупрежу, неужто отвергнешь?

— Ты ведь знаешь, что я неплохой боец, — Цзи Яогуан опустил ресницы и заговорил вкрадчивым, мягким шепотом, решив заранее обозначить границы: — Если ты решишь сделать это внезапно, я могу среагировать чисто инстинктивно. Например, перехвачу твое запястье... Чур, тогда не обижаться.

«Ишь, разыграл тут невинность!» — мысленно фыркнул Линь Чжао, а вслух лишь усмехнулся:

— Ладно-ладно, договорились.

«Будем считать это тренировкой реакции на внезапное нападение. В крайнем случае, что мешает мне просто поймать его на ответном жесте?»

Они обменялись улыбками, явно довольные тем, как разрешился этот маленький спор.

Переходя к делу, Линь Чжао посмотрел на Великую стену Ба, которая в лучах утреннего солнца казалась безмятежной и величественной.

— Ну а теперь что? Отправляемся во внутренний город?

«Наконец-то я смогу увидеть настоящее человеческое поселение в этом мире».

— Пойдем, непременно пойдем, только сначала нужно продать виноград, — Цзи Яогуан достал из-за спины сплетенную из гибких лоз корзину, доверху наполненную спелыми, сочными гроздьями. — Плата за вход во внутренний город куда выше, чем на внешние рубежи.

Все средства, что они умудрились выручить вчера, почти без остатка ушли на ночлег в казармах Великой стены — в карманах сиротливо звенели лишь несколько ракушечных монет.

Линь Чжао сорвал одну крупную, почти черную ягоду и отправил в рот.

— Ого, какая сладкая! Намного слаще той шелковицы, которой ты меня угощал. Это что еще за двойные стандарты?

Цзи Яогуан слегка покраснел и, пряча смущение, негромко кашлянул в кулак:

— Вовсе нет. В тот момент мои шаманские силы едва начали восстанавливаться, и я просто не мог заставить плоды полностью созреть.

Линь Чжао интуитивно чувствовал, что собеседник что-то недоговаривает, но не стал докапываться. Вместо этого он задал более практичный вопрос:

— Погоди, но ведь твой врожденный тотем осквернен скверной. Обычные люди не отравятся этим виноградом?

— Исключено, — уверенно успокоил его Цзи Яогуан. — Эти ягоды возвращены силой моей Скрытой сокровищницы. Она чиста, скверна до нее не добралась, и к врожденному тотему она не имеет никакого отношения.

Линь Чжао озадаченно переспросил:

— Скрытая сокровищница?

Ему мгновенно вспомнились слова Бай Жэня, сказанные при их первой встрече: «Шаманскую силу используют совсем не так».

— Небо породило все сущее, и во всем сущем теплится дух, — Цзи Яогуан принялся терпеливо объяснять ему основы шаманского искусства, веками копившиеся в этом мире. — Изначальная суть нашего ремесла заключается в управлении духами природы. Десять тысяч лет назад древние шаманы зывали к тотемам звериных душ. Позже мир погрузился во тьму, живое угасло, и нам пришлось обуздывать души скверны и чудовищ. Чтобы противостоять их безумию, мудрецы прошлого искали новые пути. Так они обратили взор внутрь себя и научились открывать Скрытые сокровищницы человеческого духа. Оказалось, что в самой глубине нашей души скрыт ключ, способный пробудить силу, равную мощи богов и демонов.

— Тот, кто с помощью шаманской силы открывает первую Скрытую сокровищницу среди шести плотских душ-понь, укрепляет плоть и обретает мощь свирепого дракона и исполинского слона — это ранг Человеческого шамана. Открывший вторую Скрытую сокровищницу в высшей душе-хунь обретает созвучие с миром, подчиняет себе силу земли, заставляет отступать горы и поворачивать вспять реки — это ранг Земного шамана. Тот же, кто достигает третьей сокровищницы, навечно запечатлевает тотемного духа в самом своем естестве и сливается с ним воедино, восходя на ступень Небесного шамана.

Цзи Яогуан мягко взглянул на Линь Чжао и добавил:

— Ты сейчас находишься как раз на уровне Человеческого шамана.

Линь Чжао нашел эту классификацию на удивление простой и понятной.

— А Шаманские боги? И твой собственный уровень — к какому рангу они относятся?

— Выше Небесного шамана стоит ранг тех, кто способен сливаться с первозданными законами самого мироздания, — мягко пояснил Цзи Яогуан. — Это и есть моя ступень. Шаманские же боги способны переписывать сами правила существования этого мира. К примеру, двенадцать Шаманских богов, также зовущиеся Хранителями часа, повелевают временами года, первостихиями, колесом перерождений, жизнью и смертью. И среди них — мой отец, Первый Хранитель Часа, владыка пространства Сиюй.

— Ого... — Линь Чжао потрясенно выдохнул, пытаясь осознать масштаб. — Пространство безгранично, время бесконечно... Выходит, твой отец невероятно могущественен.

Юноша невольно оглядел Цзи Яогуана с ног до головы и с сомнением добавил:

— Если так подумать... твои собственные силы на его фоне кажутся скромноватыми.

«Если вспомнить их недавние приключения, Яогуан ведь даже с божественными останками Сюанью в одиночку совладать не мог».

Воспоминания перенесли Цзи Яогуана в день великой катастрофы, перед глазами вновь промелькнул тот всесокрушающий, режущий небосклон луч света... Он беспомощно покачал головой и с мягкой улыбкой ответил:

— Пусть и скромноваты, но уж свить для тебя уютное гнездо мне сил точно хватит.

— И как мне открыть в себе вторую сокровищницу? — с искренним азартом спросил Линь Чжао.

Цзи Яогуан замялся, подбирая как можно более деликатные слова:

— Ну... для начала тебе стоило бы отрастить хотя бы намек на крылышки. Твоя древняя кровь еще спит.

Малыш едва-едва вылупился, на теле красуется всего пара пушистых перьев, а он уже замахивается на вторую ступень духовного восхождения!

Представив себе умильную картину — крошечного взъерошенного птенца, который сердито прыгает с ветки на ветку, шурша редкими перышками, — Цзи Яогуан невольно тепло улыбнулся.

«Ах, амбиций у него хоть отбавля».

Линь Чжао, уловив его странное выражение лица, недовольно прищурился:

— О чем это ты там гредишь? Раз заняться нечем, бери корзину и топай продавать виноград!

— Как прикажешь, — Цзи Яогуан мгновенно стер улыбку с лица и послушно водрузил плетеный короб на спину.

Благородный облик мужчины, изящные украшения на шее и безупречный венец из лазурных ветвей ничуть не диссонировали с этой тяжелой крестьянской ношей. Напротив, простая корзина придавала его величественной осанке какую-то дикую, притягательную легкость.

Он легонько коснулся ладонью шершавой кладки Стены. Одна из массивных плит тут же плавно подалась вперед, превратившись в платформу, и бесшумно опустила их на небольшую площадь у подножия.

На площади вовсю кипела жизнь. Оглушительный гомон толпы создавал ощущение, будто вчерашней кошмарной осады живых мертвецов и вовсе не бывало. Повсюду сновали зазывалы, а торговцы наперебой расхваливали свой нехитрый товар.

Линь Чжао быстро сориентировался и уверенно повел спутника к вчерашнему зеленщику, которому они без лишних расспросов сбыли весь виноград прямо вместе с корзиной.

Разумеется, за опт пришлось сделать приличную скидку, но выручка все равно получилась внушительной.

— Спасибо, почтенный! Хорошей вам торговли, — Линь Чжао принял из рук лавочника две золотистые ракушки. Он с любопытством взвесил их на ладони и легонько сжал — на ощупь металл оказался совсем не золотом, а чем-то иным.

— Да какое там, едва концы с концами сводим, — добродушно отозвался торговец, не прочь поболтать. — Я за этот прилавок всего пару лет назад встал. В государстве Ди в последнее время многое переменялось, вон, целые сады разбили. А раньше простым людям вроде нас и мечтать о подобной роскоши не приходилось. Разве что перед самой смертью кто-то мог позволить себе отведать сладкого... А так — пользы от этих ягод никакой, одно баловство для языка, а стоят целое состояние.

Линь Чжао недоуменно нахмурился:

— Как это — перед смертью?

Лицо лавочника помрачнело, а былая улыбка увяла. Он молча указал на разложенные поштучно крупные ягоды винограда.

Линь Чжао проследил за его взглядом и заметил, как к прилавку то и дело подходят скорбные люди. Они молча протягивали торговцу щепки Священного дерева, забирая взамен всего несколько ягод.

Все эти люди направлялись к высившемуся неподалеку каменному строению, напоминающему древний жертвенник, на вершине которого бушевало яростное пламя.

У подножия этого алтаря на коленях замерли около десятка воинов в тяжелых доспехах. Они безмолвно совершали земные поклоны, устремив взоры на огонь.

Линь Чжао заметил среди толпы оборванного мальчишку лет десяти в грубой холщовой рубаше. Ребенок изо всех сил вцепился в закованную в броню руку одного из воинов и отчаянно, навзрыд кричал:

— Моего папу еще можно спасти! Вы не имеете права его сжигать! Папочка, ну скажи им хоть слово! Когда мама умирала, она велела тебе беречь меня! Ее же разорвали пополам, но перед смертью она успела передать меня тебе и просила, чтобы ты заботился обо мне!

Воин лишь ниже склонил голову, прижимаясь лбом к холодному камню. Его плечи мелко дрожали, но он так и не нашел в себе сил повернуться и взглянуть на плачущего сына.

— Скверна проникла слишком глубоко, его уже не спасти, — сурово произнес подошедший мужчина, пытаясь оттащить плачущего ребенка. Мальчик в отчаянии извернулся и мертвой хваткой вцепился зубами в чужую ладонь, дико брыкаясь.

Мужчина даже не поморщился, лишь холодно отчеканил:

— Ты забыл, как погибла твоя мать? Ее загрызла ожившая тварь, которая пряталась в развалинах. Ты хочешь, чтобы твой отец превратился в такое же чудовище и сожрал тебя?

Эти слова подействовали как ледяной душ. Ребенок мгновенно обмяк и разжал челюсти. Мужчина отпустил его, и мальчик упал прямо в придорожную пыль, содрогаясь в истошном, надрывном плаче.

Но даже тогда коленопреклоненный воин не пошевелился. Он так и остался лежать ниц, скованный тяжелым безмолвием своего приговора.

— Брат, — негромко произнес один из стоявших рядом солдат, помогая ребенку подняться на ноги. — Твоего посмертного жалованья с лихвой хватит, чтобы вырастить из него Человеческого шамана. Если парень окажется смышленным, его со временем могут направить на обучение в самую школу Великой Камелии...

Обреченный воин наконец медленно поднял голову. Он ничего не ответил товарищу. Лишь плотнее запахнул изодранный в боях походный плащ, решительно поднялся на ноги и твердым шагом направился прямо в ревущее пламя погребального костра.

<http://bllate.org/book/20648/2146399>